

ВОСТОЧНЫЙ
АЛРЕЦ

Восточный ларец

ТД "Белый город"

2012

УДК 821.161.1-1(082)

ББК 84.31-5

Восточный ларец / ТД "Белый город", 2012

ISBN 978-5-7793-1831-0

Предлагаем вниманию читателей небольшое собрание «восточных» стихотворений отечественных поэтов XIX и начала XX веков. Поэты – особые люди, наделенные даром складывать слова в красивые, а потому – долговечные формы. Благодаря их таланту мы можем яснее прочувствовать всечеловеческое единство разных мировых культур.

УДК 821.161.1-1(082)

ББК 84.31-5

ISBN 978-5-7793-1831-0

, 2012

© ТД "Белый город", 2012

Содержание

От издательства	6
В. А. Жуковский	10
Ф. Н. Глинка	12
Илия – Богу	13
Бог – Илие	14
Псалом 136	15
К. Н. Батюшков	19
Подражания древним	20
А. С. Пушкин	21
Талисман	26
Пророк	27
«Стамбул гяуры нынче славят...»	28
Соловей и роза	30
Фонтану бахчисарайского дворца	31
Из Гафиза	32
Д. В. Веневитинов	35
П. А. Вяземский	37
Е. А. Баратынский	42
Песня	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Восточный ларец

От издательства

Восток «обосновался» в русской литературе очень давно. Описания его имелись еще в древнерусской литературе. Так, в одном из памятников читаем: «Иса – рух аллах, алейхн салам. Алла акбер». Подпись – Ходжа Игасуф Хор о сан п. Истинное же имя автора этих слов – Афанасий Тверитянин, сын Никитин. «В то же лето 6983-е от сотворения мира (1475 от рожде-

ства Христова) обрели мы написания Афанасия, тверского купца, что был в басурманской Индии четыре гада, а ходил, сказывает, с послом великого князя московского Ивана и от великого князя Михаила Борисовича Тверского и от владыки (священника) тверского Геннадия за море. И тот Тверитин Афанасий описал путь хождения своего...», – говорится в средневековой Софийско-Львовской летописи.

«Хождения за три моря» – так назвал свое повествование Афанасий Никитин. Путь русского купца пролегал через столицу татар Казань, по реке Волге, через Золотую Орду и Астрахань и Персию, а кз Ормузда – Персидским заливом по морю в Маскат, оттуда – морем в Чаул и далее – Джунар и Билар. Подобных «хождений» в заморские земли у россиян было немало – купцы и паломники, военнослужащие, сопровождавшие посольства. Некоторые из них оставили свои дневники и таким образом продолжили традицию описания «хождений». «Хождение в Персидское царство» купца Федота Котова в 1623 голу, путевой дневник монаха-странника Василия Григоровича-Барского «Странствования по святым местам Востока» (первая половина XVIII в.), рассказ о путешествии из Оренбурга в Бухару капитана Егора Мейсндорфа в 1820–1821 годах – эти и другие произведения будили воображение тех, кто по каким-либо причинам не мог покинуть родную землю, занимался творческим прудом и получал вдохновение из книг и событий окружающей жизни, искал ответы на насущные вопросы бытия.

В эпоху Екатерины, присоединившей Крым, на русский язык был переведен Коран. Стихотворцы Российской империи славил победы над чурками, и первым из них был Гаврила Державин, гордившийся происхождением от золотоордынского мурзы Багрима. Он трогательно писал: «Татарски песни из-под спуда как луч, потомству сообщу...»

Мусульманская культура стала одним из источников вдохновения А. С. Пушкина, Во время южной ссылки (1820–1824) поэт соприкоснулся с жизнью черкесов, крымских татар, арнаутов, с бытом мусульман, населявших окраины, сравнительно недавно присоединенные к империи. «Подражание Корану», «Талисман»), «Из Гафиза» – далеко не единственное обращение Пушкина к восточному миру. Тема Востока звучит в поэмах «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан».

Восточные сюжеты нашли отражение и в творчестве В. Г. Бенедиктова («Калиф и раб», «Письмо Абдель-Кадера»), А. И. Полежаева («Гарем», «Черная коса», «Султан»), М. Ю. Лермонтова, причем герои Ислама органично соседствуют у него с христианским миром.

Следует отметить, что в русской поэзии довольно редко встречается излюбленная европейскими поэтами формула противостояния Запад – Восток. Для отечественных стихотворцев более характерны поиски взаимопонимания и контактов – культурных, бытовых, военных...

За Лермонтовым к Востоку обратили свой взор Л. К. Толстой («Крымские очерки»), Я. П. Полонский и А. А. Фет. Яков Полонский даже написал драматическую поэму «Магомет» и создал цикл стихов на исламские мотивы – «Татарская песня», «Карнавал», а стихотворения «Из Гафиза», «Похищение из гарема» и «Одалиска» стали шедевром поэзии Фета.

Весь золотой век русской литературы пронизан восточными образами, мелодиями татарских и кавказских несен. В 1835 голу Н. В. Гоголь издал сборник «Арабески», в который вошла статья «Ал-Мамун» о багдадском халифе (813–833), много способствовавшем развитию науки и просвещен ил в своем государстве. Но, может быть, самое заветное слово об Исламе сказал Л. Н. Толстой в «Хаджи Мурате».

Интерес Толстого к Востоку был, конечно, не этнографический, а духовно-поэтический. Его и в молодости привлекали песни горцев, их пословицы, а также сказки народов Востока, включая «Тысячу и одну ночь». Высоко оценивал писатель и Коран. В его дневниках 1895–1910 годов неоднократно упоминается пророк Мухаммед.

Во второй половине XIX столетия Михаил Михайлов перепел стихи великих суфийских поэтов Руми, Саади, Джуми. И. Л. Бунин постоянно носил с собой сборник стихов Саади. Б таких стихотворениях, как «Ночь аль-Кадр», «Священный прах», «Сатана Вою», поэт стано-

вится пылким исламским мистиком. Странствующему дервишу, умудренному суфию уподобляется в «Персидских мотивах» и Сергей Есенин.

Почти все русские поэты, писавшие о Востоке и Исламе, были глубоко верующими людьми, православными христианами. Они, конечно, помнили о боевых столкновениях в период татаро-монгольского ига, о русско-турецких войнах, кавказских сражениях. Но, воспаря мыслью над прошлым и не отбрасывая его, они с интересом, вниманием и доброжелательством вглядывались в лицо данных Богом и историей соседей. Они видели в нем много привлекательного для своих соотечественников.

Вниманию читателей предлагается сборник «Восточный ларец», куда вошли стихотворения русских поэтов XIX–XX веков. Поэты – особые люди, наделенные даром складывав слова в красивые, а потому долговечные формы.

Благодаря их таланту мы можем яснее прочувствовать всечеловеческое единство разных мировых культур, Рассмотреть за романтической экзотикой простых людей дальних стран. Полюбить придуманный стихотворцами Восток, и отчасти понять настоящий, реальный. Приятного Вам чтения!

В. А. Жуковский **Лалла Рук**

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне:
Добрый вестником явился
Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И пришелицу встречали
Из далекой стороны.
И, блистая и пленяя –
Словно ангел неземной,
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял се черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Все – и робкая стыдлив ость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной –
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел – а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетел невозвратно;
Я за ним – его уж нет!
Посетил, как упование;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный угра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
Б темной области земной,
Нам чуда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;

И во всем, что здесь прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.

Ф. Н. Глинка
Голубице
Из псалмов Давида

Ах, голубица! голубица!
Зачем и я – не то, что ты?
Зачем мне так тесна темница
И недоступны высоты?

Как слабы смертного усилья,
Коль их бессмертный не скрепил!..
Когда б твои золотые крылья
И посребренье между крыл,

Я б полетел к горе Сиону,
Где вечно светит благодать,
Чтоб, к горнему прильнувши трону.
От дольней жизни отдыхать.

Илия – Богу

Мы ждем и не дождемся сроков
Сей бедственной с нечестьем при:
Твоих зарезали пророки»,
Твои разбили алтари!..
Проснись, Бог сил, заговори!
Нет места для твоей святыни,
И я теперь, жилец пустыни,
Я плачу пред тобой один!..
А ты им терпишь, властелин
Земли, морей и облаков!
Ты терпишь от своих рабов!!!

Бог – Илие

Не сокрушайся, мой пророк!
На всё есть час, на всё есть срок;
Пускай, кичась, растёт порок:
Буль зло добру в святой урок!..
Но не грусти! Твой господин
Здесь не совсем еще один:
Не все пошли к Ваалу в сети!
Есть тайные у Бога дѣта,
Есть тайный фимиам сердец,
Который обонять мне сладко!..
Они бегут ко мне украдкой,
И я являюсь втайне к ним;
И их лелею, просветляю
Высоким, истинным, святым!

Псалом 136

В стране изгнанья – в Вавилоне,
При дальних, неродных реках,
Мы по родном своем Сионе
Грустили молча и в слезах.

На серебристых ветках ивы
Повесил каждый свой орган,
И с струн их отзвывы плаксивы
Срывала буря чуждых стран.

«Зачем для песен Иеговы
Вы жизнь не взбудитс в струне?
Играйте!» – говорят нам. «Что вы?
Как нам играть в чужой стране?..

Забудь меня, моя десница.
Когда тебя забуду я,
Иерусалим – царей столица, –
Святая родина моя!

Припомни, Бог, как сын Элома
Наш град неистово громил:
И меч и пламень б лом из дома,
Как лютый вихорь, разносил!..

О, б ком дух мести Бог возбудит
На злую Вавилона дочь,
И от кого терпеть ей будет
За то, что терпим мы теперь?

Блажен, кто стоны преселенцев
Послышав, на тебя пойдет
И плачущих твоих младенцев,
Взмахнув, о камень расшибет!..»

К. Н. Батюшков Мадагаскарская песня

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!

Приблизьтесь, жены, и, руками
Сплетяся дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!

Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или, как сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.

Как ваше пенье сердцу внятно,
Как пегой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!

Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду, с чувствами согласны,
Являют негу и любовь!

Но ветер вечерний повеваает,
Уж светлый месяц над рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.

Подражания древним

2

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; рьянее крови –
Ты видишь – розы покраснели
В долине Йемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

А. С. Пушкин
Подражания корану
Посвящено П. А. Осиповоа

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы же и отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.

В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых,

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье;
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как сляб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его – по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?
За то ль, что дял ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все прел Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С Тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирил.
Ты рек: Я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань Моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего;
Подъемлго солнце Я с востока;
С заката полыми его!

V

Земля недвижна – неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,
Да не падут на сушь и волны
И не подавят нас собой.

Зажег Ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; Он могучий;
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древе сну сень.
Он милосерд: Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!

Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили; слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они пошли и Элем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли.
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно пюри;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, —

Знай: все твои дары, подобно горста пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут – Господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжело язык и зеницы.
И лег, и заснул он близ верной ослицы –
И многие годы над ним протекли
По воле Владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
(Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?)
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главою;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Снятые восторги наполнили груди
И с Богом он лале пускается и путь.

Талисман

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где лупа теплее блещет
Б сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
Б бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя –
Милый друг! от преступления,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепуги мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, –
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы проз я бань е.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и вижь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

«Стамбул гяуры нынче славят...»

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
Б нем правду древнего Востока
Лукавый Запал омрачил –
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлюют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спич подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Миоголорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистойвой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар;
Тогда нас буря долу гнула!
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликай псов па праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;

Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. – Тогда султан
Был духом гнева обуян.

Соловей и роза

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет нал розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь – нет ответа.

Фонтану бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор га ой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне боль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
Б пустынной мгле нарисовал
Спои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся Бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Лзраил, среди мечей,
Красоту твою заметит –
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

Д. В. Веневитинов

Песнь грека

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой орадай,
За плутом пел свободу я.
Но тур ков злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,
Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
«За все мой меч вам отомстит!»

Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и свело;
Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала – покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моленье,
Я припевал ей в утешенье;
«За все мой меч вам отомстит!»

Плывем – и при луне сребристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкий часовой;
Чалма склонилася к пищали –
Внезапно волны засверкали,
И вот – в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
«За все мой меч вам отомстит!»

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой, –
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священный;
«За все мой меч вам отомстит!»

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор, как часто в шуме бранен
Обет я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Всё, всё припомню в час ужасный;
И ксякий раз, как меч блесит
И налагает глава с чалмого,
Я говорю с улыбкой злою:
«За все мой меч вам отомстит!»

П. А. Вяземский Бахчисарай (Ночью при иллюминации)

Из тысячи и одной ночи
На часть одна пришла и мне,
И на яву прозрели очи,
Что только видится во сне.

Здесь ярко блещет баснословный
И поэтический восток;
Свой рай прекрасный, хоть греховный,
Себе устроил здесь пророк.

Сады, сквозь сумрак, разноцветно
Пестреют в лентах огневых,
И прихотливо, и приветно
Облита блеском зелень их.

Красуясь стройностию чудной,
И тополь здесь, и кипарис,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноград повис.

Обвитый огненной чалмою,
Встает стрельчатый минарет,
И слышится ночью тьмою
С него молитвенный привет.

И негой, полной упоенья,
Ночного воздуха сгруи
Нам навевают опольщенья,
Мечты и марева свои.

Бот одалиски легким роем
Воздушно по салу скользят;
Глаза их пышут страстным зноем
И в душу вкрадчиво глядят.

Чуть слышится их тайный шепот
В кустах благоуханных роз;
Фонтаны льют свой свежий ропот
И зыбкий жемчуг звонких слез.
Здесь, как из недр волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь.

Волшебства мир разнообразный,
Снов фантастических игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханского двора.

Здесь многих таинств, многих былей
Во мраке летопись слышна,
Здесь диким прихотям и силе
Служили молча племена;

Здесь, в царство неги, бушевало
Немало смут, домашних гроз;
Здесь счастье блага расточало,
Но много пролито и слез.

Вот стены темного гарема!
От страстных дум не отрешась,
Еще здесь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не может
Младой сопернице своей,
И тень ее еще тревожит
Живая скорбь минувших дней.

Невольной роковой страстью
Несется тень ее к местам,
Где жадно предавалась счастью
И сердце ненадежным снам.

Где так любила, так страдала,
Где на любовь ее в ответ
Любви измена и опала
Ее скосили в цвете лет.

Во дни счастливых вдохновений
Тревожно посетил дворец
Страстей сердечных и волнений
Сам и страдалец, и певец.
Он слушал с трепетным вниманьем
Рыданьем прерванный не раз
И дышащий еще страданьем
Печальной повести рассказ.

Он понял раздраженной тени
Любовь, познавшую обман,
Ее и жалобы, и пени,
И боль неисцелимых ран.

Пред ним Зарема и Мария –
Сковала их судьбы рука –
Грозы две жертвы роковые,
Два опаленные цветка.

Он плакал над Марией бедной:
И образ узницы молодой,
Тоской измученный и бледный,
Но светлый чистой красотой.

И непорочность, и стыдливость
На девственном ее челе,
И безутешная тоскливость
По милой и родной земле.

Ее молитва пред иконой,
Чтобы от гибели и зла
Небес царица обороной
И ограждением ей была, –

Все понял он! Ему не ново
И в чуже сознавать печаль,
И поясняя нам слово в слово
Сердечной повести скрижаль.

Марии девственные слезы
Как чистый жемчуг он собрал
И свежий кипарис, и розы
В венок посмертный он связал.

Но вместе и Заремы гневной
Любил он ревность, страстный пыл
И отголосок задушевный
В себе их воплям находил.

И в нем борьба страстей кипела,
Душа и в нем от юных лет
Страдала, плакала и пела,
И под грозой созрел поэт.

Он передал нам вещим словом
Все впечатления свои,
Вес, что прозрел он за покровом,
Который скрыл былые дни.

Тень и его здесь грустно бродит,
И он, наш Данте молодой,
И нас по царству теней водит,

Дарю образ им живой.

Под плеск фонтана сладкозвучный
Здесь плачется его напев.
И он – спутник неразлучный
Младых бахчисарайских дев.

Е. А. Баратынский Переселение душ

Зевес, любя семью людскую,
Попарно душ и сотворил
И наперед одну мужскую
С одною женской согласил.
Хваля всевышней благостыне!
Но в ней нам мало пользы ныне:
Глядите! ныне род людской,
Размножась, облил шар земной:
Куда пойду? мечтаешь с горем,
На хладный север, знойный юг?
За Белым иль за Черным морем
Блуждаешь ты, желанный друг?
Не всё. Залача есть другая.
Шатаясь по свечу, порой
Столкнешься с родственной душой
И рад; но вот беда какая:
Душа родная – нос чужой
И посторонний подбородок!..
Враждуют чувства меж собой;
Признаться, способ мировой
Находкой был бы из находок!
Но он потерян между нас,
О нем живет один рассказ.

В земле, о коей справедливо
Нам чудеса вещает старь,
Б Египте жил-был славный царь,
Имел он дочь – творенья диво,
Красот подсолнечных алмаз,
Любовь души, веселье глаз;
Челом белее лилий Нила;
Коралла пышного морей
Устами свежими алей;
Яснее дневного светила
Улыбкой ясною своей.
В пределах самых отдаленных
Носилась ее хвала
И женихами привела
К ней полк царей иноплеменных.
И Мемфис-град заликовал!
В нем пир за пиром восставал.
Светла, прелестна, восседая
В круг) любовников своих,

Моя царевна молодая
Совсем с ума сводила их.
И всё бы ладно шло; но что же?
Всегда веселая, она
Вдруг стала пасмурна, грустна,
Так что на дело не похоже.
К своим высоким женихам
Вниманье вовсе прекратила
И, кроме колких эпитграмм,
Им ничего не говорила.

Какая же была вина,
Что изменилась так она?
Любовь. Случайною судьбою
Державный нир ее отца
Украсить лирною игрою
Призвали юного певца;
Не восхвалял он Озирида,
Не славил Аписа-быка,
Любовь он пел, о Зораида!
И песнь его была сладка,
Как вод согласное журчанье,
Как нежных горлиц воркованье,
Как томный ропот ветерка,
Когда, в полудень воспаленный,
Лобзает он исподтишка
Цветок, роскошно усыпленный.
Свершился вышний приговор.
Свершился! никакою силой
Неотразимый, с этих пор
Пред ней носился образ милой;
С тех пор в душе ее звучал,
Звучал всечасно голос нежной,
Ее питал, упоевал
Тоскою сладкой и мятежной!
«Как глупы эти дикари,
Разноплеменные цари!
И как прелестен он!» – вздыхая,
Мечтала дева молодая.

Но между тем летели дни;
Решенья гости ожидали,
Решенья не было. Они
Уже сердшья начинали.
Сам царь досадою вскипел;
Он не охотник был до шуток
И жениха, чрез трое суток,
Избрать царевне повелел.
Была, как громом, речью гневной

Младая дочь поражена.
На что ж, в судьбе своей плачевной,
Решилась, бедная, она?
Рыдала долго Зораида,
Взрывала сердце ей обида,
Взрывала сердце ей печаль;
Вдруг мысль в уме ее родилась,
Лицом царевна прояснилась
И шепчет: «Ах, едва ль, едва ль...
Но что мы знаем? статья может,
Он в самом деле мне поможет».

Вам рассказать я позабыл,
Что в эту пору, мой читатель,
Столетний маг в Мемфисе был,
Из иды вещей толкователь.
Он, если не лгала молва,
Проник все тайны естества.
На то и жил почтенный дядя;
Отвергнув мира суету,
Не пил, не ел, не спал он, глядя
В глаза священному коту.
И в нем-то было упование;
К нему-то, милые друзья,
Решилася на совещанье
Идти красавица моя.

Едва редет мгла ночная,
И, пробуждаться начиная,
Едва румянится восток;
Еще великий Мемфис дремлет
И утро нехотя приемлет,
А уж, покинув свой чертог,
Б простой и чуждой ей одежде,
Но страха тайного полна,
Доверясь встречной надежде,
Выходит за город она.
Перед очами Зораиды
Пустыня та, где пирамиды
За пирамидами встают
И (величавые гробницы)
Гигантским кладбищем ведут
К стопам огромной их царицы.
Себе чудаку устроил тут
Философический приют.
Блуждает дева молодая
Среди столицы гробовой;
И вот приметен кров жилой,
Над коим пальма вековая

Стоит, роскошно помавая
Широколистной главой.
Царевна видит пред собой
Обитель старца. Для чего же
Остаповилась она,
Внезапно взором смущена
И чутким ухом настороже?
Что дланью трепетной своей
Объем лет сердце? что так пышет
Ее лицо? и грудь у ней
Что так неровно, сильно дышит?
Приносит песнь издалека
Ей дуновенье ветерка.

Песня

Зачем от раннего рассвета
До поздней ночи я пою,
Безумной птицей, о Низта!
Красу жестокою твою?
Чужда, чужда ты сожаленья,
Звезда взойдет, звезда зайдет;
Сурова ты, а мне забвенья
Бессильный лотос не даст.

Люблю, любя, в могилу сниду;
Несокрушима цепь моя:
Я видел диво-Зораиду,
И не забыл Ниэты я.

Чей это голос? Вседержитель!
Она ль его не узнает!
Певец, души ее пленитель,
Другую пламенно поет!
И вот что боги ей судили!
Уж ей колена изменили,
Уж меркнет свет в ее очах,
Без чувств упала бы во прах,
Но пашей деве в то мгновенье
Предстало чудное виденье.
Глядит: в одежде шутовской
Бредет к ней старец гробовой.
Паяс торжественный и дикий,
Белобородый, желтоликий,
Б какой-то острой шапке он;
Пестреет множеством каракул
На нем широкий балахон, –
То был почтенный наш ораису А.
К царевне трепетной моей
Подходит он; на темя ей
Приветно руку налагает,
Глядит с улыбкою в лицо
И ободрительно вещает
«Прими чудесное кольцо;
Ты им, о дева! уничтожишь
Хитросплетенный узел твой;
Кому на перст его возложишь,
С тем поменяешься звездой.
Иди, и мудрость Озирида
Наставит свыше мысль твою.
Я даром сим, о Зораида,

Тебе за веру воздаю».

Возвращена в свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думает: «Во сне
Всё это чуди лося мне?
Но нет, не сновиденье это!
Кольцо на палец мой надето
Почтенным старцем – вот оно.
Какую ж пользу в нем найду я?
Он говорил, его даруя,
Так бестолково, так темно».
Опять царевна унывает,
Недоумения полна;
Но вот невольниц призывает
И отыскать повелевает
Свою соперницу она.

По повелению другому,
Как будто к празднику большому
Ее чертоги убраны;
Везде легли ковры богаты
И дорогие ароматы
Во всех кадилах возжжены,
Все водометы пущены;
Блистают редкими цветами
Ряды узорчатых кошниц,
И полон воздух голосами
Дальнеземельных, чудных птиц;
Всё негой сладостною дышит,
Всё дивной роскипшто пышет.
На троке, радостным венцом,
Порфирой светлою блистая,
Сидит царевна молодая,
Окружена сполном лнором.
Вотще прилежно наблюдает
Ее глаза смущенный двор
И угадать по ним желает,
Что знаменует сей позор.
Она в безмолвии глубоком,
Как сном объятая, сидит
И неподвижным, мутным оком
На двери дальние глядит.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: «Бот она!»
Лицом бледнее полотна,
Царевна вскрикнула. Ко га же
Узрела, скорбная душой,
В толпе невольниц пред собой?

Кого? – пастушку молодую,
Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицом,
Глазами бойкую и злую,
С нахмуренным, упрямым лбом.
Царевна смотрит и мечтает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.